V 113
1281
1914

Г 113
1281

КРАТКІЙ ОВЗОРЪ ТАТАРСКО-МУХАММЕДАНСКОЙ НЕПОВРЕМЕННОЙ ПЕЧАТИ ЗА 1914-й г.

Въ татарско-мухаммеданской неповременной печати за истекшій 1914-й годъ насчитывается 425 названій. Всѣ, вошедшія въ это число, произведенія написаны на языкахъ: татарскомъ 355, арабскомъ 1, арабско-татарскомъ 43, русско-татарскомъ 21, киргизскомъ 40, турецкомъ 1.

По характеру своего содержанія мухаммеданская печать дѣлится на двѣ крупныхъ категоріи: литература стараго традиціоннаго направленія и литература новаго направленія. Отличительныя особенности произведеній той и другой категоріи продолжаютъ оставаться прежнія: литература стараго направленія стремится обо всемъ судить исключительно съ религіозной точки зрѣнія, литература новаго направленія своею цѣлью ставитъ, наоборотъ, всестороннее, по возможности, изображеніе жизни во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Литература новаго направленія, какъ явленіе живое, развивающееся, вызываетъ къ себѣ, конечно, болѣе интереса, чѣмъ литература стараго направленія. Однако въ истекшемъ отчетномъ году военныя событія отвлекли, повидимому, вниманіе татарскихъ авторовъ отъ ихъ литературныхъ занятій, и мухаммеданская печать за этотъ годъ не отличается богатствомъ своего содержанія. Изъ числа вопросовъ и темъ, затронутыхъ татарскими авторами новаго направленія въ своихъ произведеніяхъ, слѣдуетъ отмѣтить: борьбу новометодистовъ съ старометодистами, національный вопросъ и событія общегосударственной жизни.

Изъ произведеній, отразившихъ на себѣ борьбу новометодистовъ съ старометодистами, останавливаетъ на себѣ вниманіе разсказъ: «Яхъя суфій», Чекалы Гарифа Гайнуллина, тип. Миллятъ,

1/16 д. л. 52 стр. 3000 экз. 12 к. Герой разсказа Яхъя принадлежитъ къ числу суфіевъ, т. е. людей особенно благочестивыхъ, надѣленныхъ чудесными силами для исцѣленія больныхъ. Яхъя суфій 12 лѣтъ обучался въ медресѣ, но за этотъ немалый срокъ пребыванія въ школѣ не сумѣлъ вынести изъ нея даже такихъ знаній, какія необходимы для самаго обыкновеннаго муллы. Всё вниманіе Яхъи сосредоточено было на книгахъ старометоднаго направленія вродѣ «Гаджаибу-ль-махлюкат» (Чудеса творенія), «Фатху-ль-мулк» (Завоеваніе царствъ) и т. п., повѣствующихъ о разныхъ чудесныхъ исторіяхъ и сообщающихъ подробныя свѣдѣнія о заговорахъ, заклинаніяхъ, присухахъ, остудахъ и т. п. На этихъ книгахъ основывалось и міровоззрѣніе Яхъи. Въ нихъ онъ находилъ себѣ объясненіе всѣхъ явленій окружающей его природы и жизни. Идетъ ли дождь,—по мнѣнію Яхъи, это сѣютъ воду рѣшетомъ на небѣ; появляется радуга,—и Яхъя убѣжденъ, что это отраженіе на небѣ драгоцѣнныхъ камней, изъ которыхъ построены дворцы джинновъ, обитающихъ за горою Кафъ; причину грома Яхъя видѣлъ въ томъ, что архангелъ Михаилъ гонитъ облака съ неба, причемъ ударяетъ бичемъ тѣ изъ нихъ, которыя не успѣваютъ убраться во время, отчего они даютъ трещину и производятъ звукъ и т. д. Всѣ открытія и изобрѣтенія новаго вѣка Яхъя считалъ бѣсовскими выдумками и видѣлъ въ нихъ одинъ изъ признаковъ скораго пришествія Даджала (Антихриста) и кончины міра. Среди товарищей Яхъя былъ знаменитымъ спорщикомъ. Во время школьныхъ диспутовъ онъ часами заставлялъ другихъ выслушивать свои басни и сказки, не давая никому слова сказать. Среди товарищей не было ни одного, кто бы могъ его перекричать, а если кто осмѣливался ему противорѣчить, то Яхъя обзывалъ его кяфиромъ, безбожникомъ, и возражатель вынужденъ бывалъ замолчать. Въ своей наружности Яхъя старался тщательно соблюдать всѣ обычаи и вкусы старины: одежда его была достаточно длинна и широка, ногти на рукахъ тщательно обрѣзаны, усы и борода, напоминавшая собою одерганный кобылій хвостъ (въ послѣдніе годы обученія въ медресѣ Яхъѣ было уже около 30—35 лѣтъ), кругомъ рта подстрижены. Какъ старшій изъ шакирдовъ, Яхъя пользовался особыми привиллегіями: хорошо зная Яхъю, жители города въ первую очередь приглашали его къ себѣ въ случаѣ смерти кого-либо для сорокодневныхъ молитвъ по усоп-

У 113
1281

шемъ, что доставляло Яхъѣ нѣкоторый доходъ. Но то, что болѣе всего привлекало къ Яхъѣ вниманіе горожанъ, это была его цѣлебная сила, посредствомъ которой онъ врачевалъ больныхъ. Присутствіе этой силы въ себѣ Яхъя объяснялъ слѣдующимъ образомъ: Когда онъ былъ ребенкомъ, къ его матери пришелъ однажды старикъ нищій съ сѣдой бородой. Это былъ самъ пророкъ Хизръ (да благословитъ его Богъ и помилуетъ!), который ежегодно сходитъ на землю въ образѣ странника для испытанія людей. Мать Яхъи подала нищему обильную милостыню, а онъ въ награду за это погладилъ мальчика по головкѣ и сказалъ: «Дай тебѣ Богъ знанія свыше и пусть дуновеніе устъ твоихъ будетъ цѣлебнымъ». Яхъя съ дѣтства слыхалъ этотъ разсказъ отъ матери и современемъ вполнѣ увѣровалъ въ свое чудесное призваніе. Даже ночи онъ не могъ спокойно проводить: ему все видѣлось во снѣ, что онъ бесѣдуетъ съ пророкомъ Хизромъ, прося его плюнуть ему въ ротъ, чтобы увеличить его цѣлебныя силы. По окончаніи своего обученія въ медресѣ, Яхъя рѣшилъ избрать своею спеціальностію лѣченіе больныхъ, какъ дѣло наиболѣе легкое и прибыльное. Съ этого цѣлью онъ предпринялъ путешествіе въ Мекку (хаджъ), принесъ оттуда воды изъ колодца «земземъ», священнаго песку, чудотворныхъ камней, Марьямовыхъ цвѣтковъ и т. п., и всѣмъ этимъ сталъ выгодно торговать. Первымъ паціентомъ, обратившимся къ нему за помощію, была какая-то старуха, у которой болѣли глаза. Лѣченіе Яхъи ей нѣсколько помогло. Изъ чувства благодарности она принесла ему всё, что имѣла: двѣ рубахи, полотенце и холста на штаны. Но самою цѣнною наградою для Яхъи было то, что эта старуха распространила повсюду молву о его необычайныхъ дарованіяхъ, и съ этого времени у воротъ дома Яхъи суфія постоянно можно было видѣть лошадей, запряженныхъ въ телѣги, на которыхъ привозили и отвозили больныхъ. Однажды къ Яхъѣ суфію привезли мужика лѣтъ 40, котораго въ банѣ ударилъ параличъ. Больной лежалъ безъ движенія и повидимому безъ сознанія. Вышедшій на встрѣчу къ пріѣхавшимъ Яхъя заявилъ, что въ больного вселились бѣсы, и при этомъ ударилъ его хорошенько 7 разъ своею толстою деревянною палкою изъ вяза, такъ что больной волей-неволей долженъ былъ проявить нѣкоторые признаки жизни, застонавъ отъ боли. Давъ такое ясное доказательство своего врачебнаго искусства, Яхъя велѣлъ больного оста-

вить у себя на 2 дня, въ теченіе которыхъ и занялся серьезно его лѣченіемъ, систематически избивая его палкою и отчитывая разными заклинаніями. Черезъ два дня однако, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, природа взяла свое, и больному паралитику стало легче. Пріѣхавшіе за нимъ родственники щедро одарили Яхъю суфія, и слава о немъ распространилась теперь далеко за предѣлы губерніи. Въ числѣ паціентовъ, съ которыми Яхъѣ приходилось имѣть дѣло, было много душевно-больныхъ; Яхъя всѣхъ ихъ считалъ за бѣсноватыхъ и усердно изгонялъ изъ нихъ нечистую силу своей палкой. Чудотворенія Яхъи суфія кончились тѣмъ, что въ его домъ однажды явился приставъ; осмотрѣвъ помѣщеніе его, онъ нашелъ въ одной избѣ душевно-больного со спиною, сплошь покрытою синяками, а въ другой избѣ шкафъ со стклянками, на которыхъ были надписи вродѣ слѣдующихъ: «крѣпкая водка»; «при рожистомъ воспаленіи давать 3 раза въ день по чайной ложкѣ съ водою натощакъ»; «купоросъ», «мышьякъ»; «нашатырь» и т. д. Въ результатѣ Яхъя суфій со своимъ врачебнымъ искусствомъ попалъ на скамью подсудимыхъ.

Національному вопросу въ отчетномъ году было посвящено спеціальное произведеніе Валидова Джамалюддина «Миллят ва милліят» (Нація и національность). Оренбургъ. Тип. Вакгъ. 1/8 д. л. 50 стр. 2000 экз. 20 к. Главными основами націи являются, по мнѣнію автора, языкъ и религія, причемъ первый имѣетъ преимущественное значеніе предъ послѣдней. Но эти основы сами по себѣ еще не обезпечиваютъ той или иной націи ея дальнѣйшаго существованія. При наличности этихъ основъ необходимо, чтобы представители данной національности принимали дѣятельное участіе въ общечеловѣческомъ культурномъ движеніи. Просвѣщеніе и цивилизація должны съ одной стороны воспитать національное самосознаніе въ отдѣльныхъ народностяхъ, съ другой—сблизить и объединить ихъ между собою на почвѣ научныхъ интересовъ и общечеловѣческихъ убѣжденій. Въ такомъ видѣ представляется автору идеальное рѣшеніе національной проблемы. Но насколько, спрашивается, приблизились къ такому рѣшенію ея въ своемъ прошломъ и настоящемъ татары? Считая прошлое татаръ неразрывно связаннымъ съ общей исторіей тюркскихъ племенъ, авторъ довольно пессимистически относится къ этому прошлому. Вмѣсто Платоновъ, Аристотелей, Пиѳагоровъ, Галилеевъ, Моисеевъ, Сакъя-

Муни, Конфуціевъ, Гомеровъ и другихъ великихъ людей, которыми прославились народы древности, исторія тюрковъ представляетъ только рядъ набѣговъ дикихъ кочевыхъ народовъ, суровыхъ нравомъ, жестокихъ сердцемъ, огрубѣвшимъ въ борьбѣ съ суровыми климатическими условіями своей сѣверной родины. «Напрасно, говоритъ онъ, нѣкоторые наши историки изъ національнаго пристрастія стараются изобразить величіе прошлой цивилизаціи тюрковъ: они не въ состояніи представить точныхъ и фактическихъ данныхъ относительно того, гдѣ и когда жили тюркскія общества съ такою высокою культурою и образованіемъ». Не унаслѣдовавъ просвѣщенія и цивилизаціи отъ своихъ предковъ, татары до послѣдняго времени оставались въ невѣжествѣ. Правда, успѣхи европейской культуры не могли не повліять и на татаръ, но это вліяніе сказалось только совнѣ. Татары усвоили себѣ внѣшнюю сторону европейской цивилизаціи: перемѣнили одежду, научились пить чай, курить табакъ, пить вино, стали ѣздить на трамваяхъ, по желѣзнымъ дорогамъ и т. д., взгляды же и убѣжденія ихъ остались прежними. Въ силу какого-то страннаго ослѣпленія, величественнымъ зданіямъ европейской архитектуры они противопоставляли свои мечети, университетамъ и профессорамъ предпочитали свою зловонную медресу съ деревенскимъ азанчей въ качествѣ учителя. Самое понятіе о націи представлялось имъ очень въ смутномъ видѣ. Подъ этимъ понятіемъ мыслился какой то странный конгломератъ случайныхъ признаковъ и качествъ, взятыхъ у разныхъ народъ различныхъ временъ, національностей и религій. Со словомъ «нація» соединялось представленіе о городѣ Казани съ какой то чудесной ханской мечетью, съ учеными, шакирдами и толстопузыми купцами,—о городѣ Болгарахъ, о халифѣ Руй Заминѣ, страшномъ для 7 царей, о цѣломъ рядѣ эмировъ, визирей и пашей, окружающихъ его, муфтіяхъ, казіяхъ, мударрисахъ, шакирдахъ диспутантахъ, о Кашгарѣ, Мединѣ, Меккѣ, Египтѣ, Бухарѣ, Стамбулѣ, о кыблѣ, о минаретахъ, о туркахъ съ фесками и сартахъ съ чалмами на головахъ, о чапанахъ, о намазлыкахъ, о четкахъ, о кумганахъ, о святыхъ, о суфіяхъ, пророкахъ, дервишахъ, о горахъ Кафъ, Синай, Оходъ и Гарафатъ, о богатыряхъ: Алiѣ, Сеидъ-Батталѣ, Османъ-пашѣ, Шамилѣ и Богъ знаетъ еще о комъ и о чемъ. Въ прямой противоположности со всѣмъ этимъ стояло такое же неопредѣленное собирательное понятіе, обозна-

чаемое словами «ложь» и «невѣріе». Подъ этимъ понятіемъ мыслилось представленіе о фараонахъ, немвродахъ, иблисахъ, шайтанахъ, Абу-Джаглѣ, церквахъ, попахъ, учителяхъ, училищахъ, книгахъ, иконахъ, картинахъ, длинныхъ волосахъ, узкихъ штанахъ, широкополыхъ шляпахъ и т. д. Съ 1905-го года, по мнѣнію автора, началась новая эра въ исторіи національнаго самосознанія татаръ. Правда, въ началѣ ея татары увлечены были въ общій водоворотъ политическихъ движеній, занялись обсужденіемъ такихъ вопросовъ, которые умѣстны въ какомъ-нибудь берлинскомъ рейхстагѣ; объявили войну несуществующему у татаръ капитализму и т. д., но затѣмъ, съ наступленіемъ общаго успокоенія, когда умственный кругозоръ татаръ прояснился отъ затуманивавшихъ его облаковъ, предъ ними явился, сіяя какъ солнце, русскій народъ съ своею литературой, школами, науками, промышленностію, общественной и экономической мощью, и это видѣніе на первое время ослѣпило ихъ. Вслѣдъ за этимъ и началось національное движеніе среди татаръ. Поднято было много разныхъ вопросовъ, и самый главный изъ нихъ—вопросъ о языкѣ и литературѣ. Обсужденіе послѣдняго вопроса не обошлось безъ крайностей. Одни говорили, что литературнымъ языкомъ долженъ быть обще-тюркскій языкъ, другіе отстаивали права народнаго-уличнаго языка. Первые обвиняли вторыхъ въ сознательномъ содѣйствіи системѣ Ильминскаго и обзывали ихъ «миссіонерами, нарушающими единство націи», вторые кричали первымъ, что они хотятъ ихъ обратить въ турокъ и т. д. Теперь эти споры затихли. Развитіе національной литературы вошло въ свое естественное русло. Слова, недостающія въ татарскомъ языкѣ, заимствованы съ арабскаго, турецкаго и персидскаго; слова иностранныя, безъ нужды употребляемыя въ татарскомъ, замѣнены народными. Въ настоящее время среди тюркскихъ племенъ одновременно совершаются два процесса: диссимиляціи и ассимиляціи. При всей противоположности этихъ явленій на первый взглядъ, они вполнѣ естественны и понятны. Разбросанныя по разнымъ уголкамъ земли, разъединенныя естественными границами, особенностями въ языкѣ и жизни, тюркскія народности, конечно, не могутъ образовать изъ себя единой націи, но нельзя допустить и того, чтобы онѣ когда-нибудь забыли о единствѣ своей религіи, языка и кровныхъ узахъ, неразрывно связывающихъ ихъ между собою. Племенная диссимиляція среди

тюркскихъ народностей нисколько не нарушаетъ ихъ единства, такъ какъ, при одновременномъ развитіи наукъ и просвѣщенія, среди нихъ должно проясняться сознаніе взаимной близости. Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ авторъ, въ томъ, что современемъ всѣ мы объединимся подъ общимъ именемъ татаръ. Сюда войдутъ и башкиры, и мишари, и сарты, и киргизы и т. д. Пусть эти народности сейчасъ сознаютъ себя обособленными,—впослѣдствіи онѣ не въ состояніи будутъ противостоять силѣ общаго національнаго теченія. Въ распоряженіи автора и теперь имѣются налицо факты, подтверждающіе возможность подобнаго объединенія; такъ въ школѣ, гдѣ онъ состоитъ учителемъ, ему приходится имѣть дѣло и съ башкирами, и сартами, и киргизами, и однако уже черезъ 3 мѣсяца по поступленіи сюда, всѣ они становятся настоящими татарами. Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи будущность татарской націи, по мнѣнію автора, вполнѣ обезпечена. Но является вопросъ, въ состояніи ли татары сохранить свою народность въ виду того сильнаго вліянія въ умственномъ, нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ, какому они естественно должны подпасть со стороны русскихъ. Авторъ находитъ возможнымъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, но подъ условіемъ, если татары вопервыхъ позаботятся укрѣпить тѣ основы, на которыхъ зиждется ихъ нація, т. е. религію и языкъ, и, вовторыхъ, если примкнутъ къ общему культурному движенію господствующаго населенія имперіи. Отсюда главною цѣлью всѣхъ стремленій татаръ, по мнѣнію автора, должно быть развитіе 1) національнаго самосознанія и 2) гражданственности, для чего необходимо съ одной стороны заводить свои національныя школы, мектебы и медресы, съ другой—дополнять свое образованіе въ русскихъ школахъ и знакомиться съ русской литературой. Но, спрашивается, сдѣлано-ли что-нибудь татарами для достиженія указанной цѣли въ настоящее время? Авторъ, хотя и не даетъ положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ, но утверждаетъ, что въ современномъ положеніи дѣлъ онъ видитъ много утѣшительнаго; въ настроеніи татаръ онъ замѣчаетъ особенный подъемъ духа и энергіи. Правда, результаты пока еще не велики, но вѣдь и препятствія, преодолѣваемыя при этомъ, значительны. Не слѣдуетъ, поэтому, смущаться, когда говорятъ, что въ такой то деревнѣ невѣжественные жители выгнали учителя новометодиста, что вновь появившаяся газета, послѣ выхода 2 номе-

ровъ, закрыта, что въ благотворительныхъ собраніяхъ идетъ раздоръ у новометодистовъ съ старометодистами, что знаменитые издатели наши не кто иной, какъ хальфы и муллы, взявшіе перо въ руки въ свободное отъ уроковъ и намазовъ время, что нашими поэтами являются шакирды и школьники, написавшіе нѣсколько стиховъ, а нашими артистами—приказчики и буфетчики, выступившіе на сцену въ праздничный день съ позволенія своихъ хозяевъ и т. д. Всё—это явленія временныя и преходящія. Но уже самая наличность ихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что въ народѣ происходитъ броженіе, что нація стремится къ жизни.

Таковы взгляды Валидова по вопросу о татарской націи. Какъ можно видѣть, въ основѣ ихъ лежитъ довольно ясно выраженная идея пантюркизма, т. е. объединенія тюркскихъ народностей при помощи науки и просвѣщенія, направленныхъ къ тому, чтобы воспитать и укрѣпить въ разрозненныхъ тюркскихъ племенахъ сознаніе единства связывающихъ ихъ кровныхъ узъ, языка и религіи. Насколько эта идея осуществима на дѣлѣ, покажетъ будущее, но вѣроятно ей предстоитъ играть роль подобно пресловутой идеѣ панисламизма, на смѣну которой она теперь и явилась.

Ту же идею пантюркизма встрѣчаемъ и въ другомъ татарскомъ произведеніи за истекшій годъ, также отчасти касающемся національнаго вопроса; разумѣемъ «Стамбул мяктублары» (Письма изъ Константинополя) Фатиха Каримова, Оренбургъ. Тип. Вакъ, 1/8 д. л. 450 стр. 54 р. 3000 экз. 1 р. 50 к. По словамъ автора, идея пантюркизма большіе успѣхи имѣетъ и въ Турціи, распространяясь здѣсь съ каждымъ днемъ всё болѣе и болѣе. Въ цѣляхъ пропаганды ея основано особое общество «Тюрк очагы» (Турецкій очагъ) и имѣется спеціальная газета «Тюрк юрды». Любопытно, что по мнѣнію какъ Фатиха Каримова, такъ и Валидова Джамалюддина, иниціатива и первенствующее значеніе въ предстоящемъ объединеніи тюркскихъ племенъ должны принадлежать нашимъ татарамъ. Престижъ Турціи, какъ единственнаго болѣе или менѣе самостоятельнаго изъ «правовѣрныхъ» государствъ, со времени послѣднихъ болгарскихъ войнъ, повидимому, окончательно палъ въ глазахъ мусульманскаго міра. И Фатихъ Каримовъ и Валидовъ Джамалюддинъ положеніе дѣлъ въ Турціи считаютъ очень печальнымъ. Внимательно наблюдавшій турецкую жизнь въ Константинополѣ Ф. Каримовъ ставитъ турокъ гораздо ниже нашихъ татаръ.

Съ глубокимъ прискорбіемъ онъ отмѣчаетъ отсутствіе у нихъ патріотизма и національнаго самосознанія. Въ самый разгаръ болгарскихъ войнъ, когда рѣшались судьбы отечества, большая часть Константинопольскихъ гражданъ проводила время въ кофейняхъ, покуривая кальянъ и нисколько не думая объ опасности, въ которой находилось отечество. Фанатическое духовенство, по словамъ Каримова, держитъ народъ въ невѣжествѣ. Женщина заперта въ гаремѣ, какъ въ тюрьмѣ, и не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ общественныхъ; во всей Турціи не существуетъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, и вообще, выражаясь образно, можно сказать, что цѣлая половина государственнаго національнаго организма Турціи въ лицѣ женщины находится въ параличѣ. Поэтому турки пріятно были изумлены, увидѣвъ предъ собою образованныхъ молодыхъ татарокъ, пріѣхавшихъ въ качествѣ сестеръ милосердія и свободно безъ покрывалъ разгуливающихъ по Константинополю въ обществѣ интеллигентныхъ мужчинъ. Одна турецкая дама въ разговорѣ съ Ф. Каримовымъ даже выразила пожеланіе, чтобы русскіе мусульмане почаще пріѣзжали въ Турцію и давали здѣшнимъ мужьямъ наглядные примѣры того, какъ нужно обходиться съ женщиной (416 стр.). Въ одной газетной выдержкѣ, которую Ф. Каримовъ приводитъ, уже прямо отъ лица какъ бы всѣхъ турокъ было сказано слѣдующее: «Вы, сѣверные тюрки, безъ сомнѣнія опередили насъ, османскихъ турокъ. Правда, мы имѣемъ политическую самостоятельность, но эта послѣдняя не что иное, какъ слой краски, которая постепенно спадаетъ, обнаруживая подъ собою гниль. При плохихъ общественныхъ и экономическихъ основахъ свобода, равенство и братство безполезны». Поэтому нѣкоторые изъ турокъ, добавляетъ Ф. Каримовъ, въ дѣлѣ спасенія общественнаго и экономическаго благосостоянія своей страны ждутъ помощи отъ русскихъ мусульманъ: «съ нихъ, говорятъ они, мы должны брать примѣръ». (415 стр.). По словамъ Валидова, эта помощь русскихъ татаръ туркамъ отчасти уже оказана, а именно въ дѣлѣ основанія общества «Тюрк очагы» (Турецкій очагъ). «Предметомъ нашей гордости, говоритъ по этому поводу Валидовъ, должно быть то, что вѣтеръ, раздувшій этотъ турецкій очагъ, былъ отъ насъ съ сѣвера. Этотъ вѣтеръ былъ не что иное, какъ дыханіе одного или двухъ лицъ, жившихъ среди насъ и оказавшихъ услуги дѣлу національнаго пробужденія» (33).

Такимъ образомъ, и Каримовъ и Валидовъ, какъ можно судить по приведеннымъ выдержкамъ, очень высокаго мнѣнія о своей татарской націи. Нельзя не упомянуть и еще объ одномъ сочиненіи, проникнутомъ такимъ же чувствомъ національной гордости и высокаго мнѣнія о себѣ, какъ и два вышеприведенныхъ; это—«Англіягя сыяхятъ» (Путешествіе въ Англію) Садруддина Максуди, Казань. Тип. Умидъ, 1/8 д. л. 146 стр. 2 р. 3000 экз. 60 к. Авторъ, членъ Государственной Думы, былъ выбранъ отъ мусульманской фракціи въ число депутатовъ, ѣздившихъ въ 1909 г. въ Англію въ качествѣ почетныхъ гостей. Описывая свое путешествіе, авторъ упоенъ восторгомъ при мысли о томъ, что онъ является представителемъ 20 милліоновъ русскихъ мусульманъ предъ правительствомъ просвѣщеннѣйшаго въ мірѣ государства Англіи. Съ особенной старательностью оттѣняетъ онъ то обстоятельство, что его выступленіе въ качествѣ уполномоченнаго отъ мусульманъ Россіи должно показаться англичанамъ явленіемъ новымъ и можетъ быть неожиданнымъ, такъ какъ ихъ мусульманскіе подданные, туземцы Индіи, такихъ представителей въ парламентѣ не имѣютъ. При всѣхъ своихъ посѣщеніяхъ различныхъ правительственныхъ учрежденій, авторъ, повидимому, не опускалъ мысли о томъ, чтобы показать въ лицѣ себя, какой высокой ступени культурнаго развитія достигли русскіе татары. Предметомъ же особенной гордости его являлось при этомъ знаніе имъ французскаго языка. Чуть не на каждой страницѣ своего труда авторъ къ мѣсту и не къ мѣсту заявляетъ о томъ, что онъ знаетъ по французски, и что такая-то высокопоставленная дама выразила ему удивленіе по поводу того, что онъ татаринъ, а говоритъ по французски, какъ французъ. Довольно наивно въ этомъ отношеніи одно замѣчаніе его, которое онъ дѣлаетъ, говоря о личныхъ отношеніяхъ къ нему какого-то члена Государственнаго Совѣта, входившаго въ составъ депутаціи. Этотъ членъ Государственнаго Совѣта недоволенъ остался рѣчью его на одномъ изъ парадныхъ обѣдовъ, въ которой авторъ заявилъ англійскому народу о существованіи въ Россіи мусульманъ, какъ отдѣльной, единой миллятъ (націи). Хотя упомянутый членъ Государственнаго Совѣта и не высказалъ своего неудовольствія открыто, но, зная, кто онъ таковъ, по словамъ автора, нетрудно было догадаться о его настроеніи. «Этому человѣку, говоритъ авторъ, всё еще хотѣлось бы представлять татаръ въ качествѣ услуж-

ливыхъ лакеевъ и честныхъ дворниковъ. Забывъ, гдѣ онъ находится, онъ и теперь со своимъ барствомъ готовъ былъ повидимому закричать: какое право ты имѣешь говорить это, татаринъ? Но только татаринъ его теперь не спроситъ. Времена измѣнились, и отношенія стали другія. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ досадовалъ и на то, что, не спросившись начальства, знаютъ по французски. Да какъ и не досадовать: вѣдь, если всѣ татары будутъ такими учеными, то гдѣ же тогда брать пепьющихъ лакеевъ и хорошихъ кучеровъ?» (123 с.).

Изъ событій общегосударственной важности въ литературѣ за истекшій годъ нашла себѣ отраженіе современная война. Военнымъ событіямъ посвящено нѣсколько бяйтовъ, т. е. стихотвореній, написанныхъ въ духѣ народной словесности въ подражаніе солдатскимъ и рекрутскимъ пѣснямъ. Авторы этихъ бяйтовъ выдаютъ себя за солдатъ, сражающихся на позиціяхъ, на самомъ же дѣлѣ въ большинствѣ случаевъ эти бяйты, несомнѣнно, мѣстнаго происхожденія и принадлежатъ перу лицъ, иногда довольно невысоко образованныхъ. Въ бяйтахъ авторы ихъ въ плаксивомъ и жалостномъ тонѣ передаютъ сцены прощанія съ своими родными семьями при отъѣздѣ на войну. Нервозность, которую они при этомъ проявляютъ, совершенно не соотвѣтствуетъ характеру русскаго солдата. О событіяхъ съ поля битвы авторы шлютъ сообщенія въ патріотическомъ тонѣ, описывая храбрость и непобѣдимость русскаго воинства, но впадаютъ иногда при этомъ опять въ плаксивый тонъ, прощаясь навѣки съ своими родными и знакомыми и ожидая себѣ вѣрной смерти. Въ виду соотвѣтствія своего содержанія современнымъ событіямъ, бяйты, особенно въ жалостномъ и плаксивомъ тонѣ, широко расходятся въ читающей публикѣ, печатаясь десятками тысячъ экземпляровъ.

По предмету своего содержанія произведенія татарской литературы дѣлятся на слѣдующіе отдѣлы: 1) Народное чтеніе 48, 2) Сочиненія религіозно-нравственнаго характера 93, 3) Книги дѣтскаго чтенія 15, 4) Календари 16, 5) Сочиненія беллетристическія 90, 6) Учебники и учебныя руководства 80, 7) Сочиненія научнаго содержанія 6, 8) Музыкальныя сочиненія 11, 9) Смѣсь 66.

1) Въ отдѣлъ народнаго чтенія входятъ произведенія популярнаго содержанія по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, популярной гигіены, медицины и т. п. Изъ приведеній по сель-

скому хозяйству обращаютъ на себя вниманіе своимъ количествомъ изданія Уфимскаго земства. По отдѣлу популярной гигіены и медицины въ отчетномъ году вышли два довольно полныя и сравнительно обстоятельныя изданія: 1) Женщина—врачъ Дернова-Ермолина. «Аналар алифбасы» (Азбука для матерей), въ переводѣ Атнабаева Рахимджана. Казань. Маарифъ. 1/8 д. л. 142 с. 3000 экз. 2) Докторъ Ѳедоровъ. «Тыбби киңяшляр» (Врачебные совѣты), въ переводѣ Габдуллы Алпарова. Казань, тип. Умидъ, 1/8 д. л. 145 с. 4000 экз. 50 коп.

2) Изъ сочиненій религіозно-нравственнаго характера обращаютъ на себя вниманіе: 1) Бикбулат Санаатулла. «Хазрят Мухаммедъ» (Пророкъ Мухаммедъ), Казань, Маарифъ, 1/8 д. л. 355 с. 16 рис. 3000 экз. Сочиненіе представляетъ довольно полную біографію Мухаммеда съ претензіей на научность; въ началѣ приложена географическая карта Аравійскаго полуострова. 2) Кяримъ улы Ахмедъ Фазылъ. «Ахкями ислам» (Основы ислама), Казань, Умидъ, 1/8 д. л., 326 стр. 3000 экз. Содержаніе изложено простымъ и вполнѣ удобопонятнымъ языкомъ. 3) Габдулла Мухаммедъ Сабиръ. «Кыссасу-ль-анбія» (Разсказы о пророкахъ). Казань, Миллятъ. 1/8 д. л., 510 стр., 1200 экз. Языкъ сочиненія почти народный. 4) Мухаммедъ-Камиль Мутыги Тухфатуллинъ. «Татарча курани тафсир» (Толкованіе Корана по татарски), Казань, Маарифъ, 1/8 д. л., 3 выпуска по 16 стр., и 2000 экз. Рядомъ съ арабскимъ текстомъ приводится татарскій переводъ Корана, и, если этотъ переводъ соединить вмѣстѣ, опустивъ арабскій текстъ и объясненія, то получается довольно связное переложеніе Корана по татарски. Такимъ изданіемъ авторъ очевидно думалъ съ одной стороны удовлетворить потребность въ татарскомъ переводѣ Корана, запрещаемомъ религіей, съ другой стороны избѣжать обвиненій старометодистовъ мухаммеданъ, представивъ имъ всё же тафсир (толкованіе), а не переводъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Любопытно, что въ своемъ предисловіи авторъ помѣщаетъ длиннѣйшую апологію въ защиту своего изданія, стараясь доказать его законность рядомъ подписей какихъ-то авторитетныхъ въ мухаммеданскомъ мірѣ лицъ.

3) Въ отдѣлѣ книгъ дѣтскаго чтенія нельзя не упомянуть о роскошномъ съ внѣшней стороны и довольно удовлетворительномъ со стороны простоты доступности языка изданіи: Мамишъ-Сиби-

рякъ. «Бурчак падшасы» (Царь-Горохъ), въ переводѣ Камала Гали-Асгара, Казань. Харитоновъ. 1/8 д. л. 56 стр. 16 рис. 2000 экз.

4) Число календарей въ отчетномъ году значительно болѣе, чѣмъ въ прошлые годы. Однако нельзя не оговориться, что заключать отсюда о пропорціональномъ увеличеніи спроса на эти изданія было бы ошибочно. Дѣло въ томъ, что издатели съ отмѣной предварительнаго просмотра горькимъ опытомъ убѣдились, какъ осторожно приходится выступать съ печатнымъ словомъ, и поэтому одинъ и тотъ же календарь стали печатать сначала въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ и уже послѣ того, какъ онъ не встрѣчалъ замѣчаній отъ Комитета по дѣламъ печати, съ небольшими измѣненіями вновь печатали его уже въ потребномъ количествѣ экземпляровъ.

5) Въ отдѣлѣ беллетристики къ числу наиболѣе крупныхъ изданій за истекшій годъ слѣдуетъ отнести: «Габдулла Тукай маджмуаи асяры» (Собраніе сочиненій Абдуллы Тукая), Казань, Маарифъ, 1/8 д. л., 463 стр. 5000 экз. Это первый болѣе или менѣе полный сборникъ литературныхъ трудовъ татарскаго поэта-юноши. Издатель раздѣлилъ произведенія Тукая на 3 разряда: 1) произведенія серьезнаго содержанія, 2)—шуточнаго, сатирическаго характера и 3) дѣтскую литературу. Принципъ дѣленія, какъ можно видѣть, довольно странный; издатель, повидимому, не считалъ серьезными произведенія сатирическаго характера и дѣтскую литературу. Къ тому же, этому дѣленію издатель самъ не остается вѣренъ; въ разрядъ дѣтской литературы, напримѣръ, онъ включаетъ: автобіографическія замѣтки Тукая, его мысли о произведеніяхъ татарской народной словесности, его исторію народныхъ татарскихъ напѣвовъ и т. д. Въ началѣ сборника приложены краткія біографическія свѣдѣнія о Тукаѣ и общій критическій обзоръ его литературной дѣятельности.

Абдулла Тукай родился въ 1886 г. въ деревнѣ Кушлаучъ Казанской губ. и уѣзда и умеръ въ 1913 г. въ г. Казани на 27 году своей жизни. Трудно представить себѣ человѣка, къ которому судьба была бы болѣе жестока, чѣмъ къ Тукаю. Четырехмѣсячнымъ ребенкомъ онъ лишился своего отца. Мать его, молодая вдова, забывъ свои материнскія обязанности, вышла вскорѣ замужъ за другого, а ребенка, вѣроятно для того, чтобы онъ не мѣшалъ ея супружескому счастію, отдала на воспитаніе какой-то совершенно

чужой старухѣ, женщинѣ сухой и безсердечной. Сосѣдки этой старухи вспоминали впослѣдствіи, какъ въ зимнія морозныя ночи по своей нуждѣ ребенокъ долженъ былъ босымъ выбѣгать на улицу и затѣмъ подолгу на голомъ льду съ плачемъ дожидаться, когда опять отворятъ ему въ избу дверь, которая зимой отъ замерзанія плохо поддается усиліямъ даже взрослаго человѣка. Неизвѣстно, долго-ли Тукай жилъ у своей воспитательницы старухи, но подъ конецъ мать всётаки взяла его къ себѣ. Однако судьба и тутъ не оставила Тукая въ покоѣ. Въ скоромъ времени умираетъ его мать и Тукай становится уже круглымъ сиротою. Отчимъ тотчасъ же постарался сбыть съ своихъ рукъ мальчика, отправивъ его къ дѣду, отцу его покойной матери. Дѣдъ Тукая въ это время былъ женатъ на второй, имѣлъ отъ нея шестеро дѣтей и жилъ очень бѣдно. Трудно было расчитывать Тукаю на родственный пріемъ въ семьѣ бабушки—мачехи, и, дѣйствительно, въ одно прекрасное время дѣдъ Тукая, недолго задумываясь, отдаетъ его какому-то ямщику, ѣхавшему въ Казань; послѣдній привозитъ его на Свиной Базаръ и здѣсь, „проѣзжая мимо столпившагося народа, выкрикиваетъ: «Кому надо пріемыша?» Находится какой-то старьевщикъ, житель Адмиралтейской слободы, который изъявляетъ желанія взять себѣ Тукая. Какъ и слѣдовало ожидать, очень непрочнымъ оказалось положеніе Тукая въ этой новой столь быстро и неожиданно создавшейся для него семейной обстановкѣ. Стоило однажды старьевщику и женѣ его захворать, какъ они тотчасъ же рѣшили сбыть съ рукъ своего пріемыша, отправивъ его опять подъ негостепріимный для него кровъ его дѣда. Послѣдній въ свою очередь поспѣшилъ отдѣлаться отъ Тукая, отдавъ его въ дѣти какому-то крестьянину, не имѣвшему сыновей. Новый отецъ Тукая обласкалъ мальчика, накормилъ его досыта хлѣбомъ и кислымъ молокомъ и поручилъ заботамъ и попеченію жены и двухъ своихъ дочерей. Однако недолго пришлось Тукаю пользоваться ласками пріютившей его семьи. Въ скоромъ времени у хозяина дома родился сынъ, и Тукай опять оказался лишнимъ. Впрочемъ къ этому времени мальчикъ настолько подросъ, что могъ уже быть полезнымъ въ домашнемъ хозяйствѣ, исполняя разныя мелкія порученія, и хозяева стали дорожить имъ уже изъ соображеній чисто корыстнаго характера. Неудивительно поэтому, что, когда въ одинъ прекрасный день вдругъ у Тукая нашелся родственникъ—мужъ

его тетки и заявилъ свое притязаніе на обладаніе ребенкомъ, то названные отецъ и мать Тукая наотрѣзъ отказались уступить его: «мы, де, кормили его въ теченіе 3—4 лѣтъ въ то время, когда пудъ хлѣба стоилъ столько-то и столько-то, а теперь, когда онъ сталъ годенъ къ работѣ, его хотятъ у насъ отнять». Только угроза пожаловаться урядинку побудила ихъ отдать мальчика пріѣхавшему за нимъ какому-то ямщику дядѣ Бадрію, который уполномоченъ былъ родными Тукая найти и доставить его къ нимъ въ Уральскъ. Такимъ образомъ, Тукаю снова пришлось мѣнять мѣсто своего жительства. Проѣздомъ чрезъ Казань Тукай случайно встрѣтился съ тѣмъ старьёвщикомъ, жителемъ Адмиралтейской слободы, который одно время пріютилъ было его у себя. Старикъ тронутъ былъ неожиданной встрѣчей. Обласкалъ мальчика, увелъ его къ себѣ на квартиру, принесъ изъ харчевни пельменей; на другой день собственноручно вымылъ его въ лоханкѣ, обрядилъ въ новый тюбятяй и кожанные штаны и хотѣлъ даже подарить на память «тасбихъ» (четки изъ богородицыныхъ слезокъ), но Тукай почему то отказался отъ этого подарка, сказавъ, что онъ въ немъ не нуждается, такъ какъ ѣдетъ жить въ «богатое мѣсто». Въ Казани Тукаю пришлось прожить нѣсколько дней, пока попутчики которые должны были довести его до Уральска, не закончили своихъ дѣлъ. Разсѣять скуку ожиданія Тукаю помогли тѣ 12 копеекъ, которыя подарилъ ему на прощаніе дядя Бадрій. На эти 12 копеекъ Тукай полакомился соленой воблой и сѣмячками. Ѣхать до Уральска къ своимъ новымъ роднымъ или въ «богатое мѣсто», по выраженію Тукая, ему пришлось вмѣстѣ съ обозомъ, и путешествіе продолжалось поэтому 18 дней. Въ Уральскѣ Тукай поступилъ въ русско—татарское училище, а черезъ 3 года въ мѣстную татарскую медресу. Неизвѣстно, какъ жилось Тукаю у своихъ новыхъ родственниковъ, но послѣ 4-лѣтняго пребыванія у нихъ онъ почему то переселился въ медресу, отдавъ предпочтеніе нелегкимъ условіямъ татарскаго школьнаго общежитія передъ домашней обстановкой родственной ему семьи. Въ медресѣ Тукай обучался въ теченіе 10 лѣтъ. На 4-мъ году его обученія здѣсь умеръ его послѣдній родственникъ, и Тукаю пришлось самому заботиться о своемъ содержаніи. Зимой онъ обучалъ 3 мальчиковъ, а лѣтомъ переписывалъ метрики для муллы, и за всё это получалъ отъ 1 до 2 рублей въ мѣсяцъ. Еще во время обученія въ

медресѣ сказались литературныя наклонности у Тукая, уже здѣсь имъ было написано нѣсколько стихотвореній. По окончаніи же медресы, Тукай рѣшилъ всецѣло посвятить себя литературѣ. Но, чтобы имѣть возможность отдаться своему любимому дѣлу, Тукаю предстояло рѣшить очень легкую задачу: выбрать себѣ такой родъ занятій, который, давая средства къ существованію, менѣе всего препятствовалъ бы его занятіямъ литературой. Такимъ родомъ занятій Тукай, наконецъ, выбралъ себѣ ремесло типографщика и поступилъ въ мѣстную татарскую типографію въ Уральскѣ сначала наборщикомъ, а потомъ корректоромъ съ жалованіемъ 20 рублей въ мѣсяцъ. Выбранный родъ занятій Тукай не оставляетъ и послѣ своего переѣзда въ Казань въ 1908 г. Поселившись въ номерахъ Болгаръ, за 25 руб. въ мѣсяцъ онъ беретъ на себя просмотръ корректуръ, упаковку посылокъ и доставку ихъ на почту, разноску книгъ и изданій по казанскимъ лавкамъ. Одновременно съ этимъ идутъ и литературные труды Тукая. Тотчасъ по переѣздѣ въ Казань онъ дѣлается наиболѣе энергичнымъ сотрудникомъ, а иногда и фактическимъ редакторомъ издаваемыхъ здѣсь газетъ и журналовъ: «Аль-ислахъ», «Ахбаръ», «Яшен», «Ялт-юлт».

1909-й и 1910-й годы въ жизни Тукая были временемъ разцвѣта его литературныхъ дарованій, но эти же годы были временемъ и его пагубныхъ увлеченій бурной молодости. Въ Казани Тукай попалъ въ среду новометодистовъ и увлекся имѣвшими здѣсь мѣсто политическими теченіями мысли. Свободный образъ жизни среди молодыхъ людей, непризнававшихъ стѣсненія для себя, при антигигіеническихъ условіяхъ почти нищенскаго существованія и былъ едва-ли не главной причиной той болѣзни, которая преждевременно унесла талантливаго юношу въ могилу. Первые признаки этого недуга—чахотки—появились у Тукая въ 1910 г. Съ развитіемъ болѣзни положеніе его становилось прямо безпомощнымъ. Средствъ къ жизни не было никакихъ. При самыхъ тяжелыхъ приступахъ болѣзни приходилось работать,—писать хотя по 2 строчки въ день, чтобы на завтра не остаться голоднымъ. За 6—7 мѣсяцевъ до своей смерти въ 1913 г. Тукай вынужденъ былъ наняться корректоромъ въ одну изъ типографій и работать тамъ въ удушливой атмосферѣ, пропитанной ѣдкимъ запахомъ типографскихъ чернилъ и свинца.

Въ эти трудные годы своей болѣзни Тукаю снова пришлось горько почувствовать свое полное одиночество, тяготѣвшее надъ

нимъ съ самаго дѣтства. Правда, теперь онъ былъ уже довольно не безъизвѣстенъ въ татарскомъ мірѣ. Имя его могло составить предметъ гордости и тщеславія для тѣхъ, кому суждено было стоять къ нему близко. Поэтому не было недостатка въ лицахъ, такъ или иначе желавшихъ связать свое имя съ популярнымъ именемъ Тукая. Но чуткая душа Тукая, конечно, сознавала прекрасно корыстную расчетливость подобныхъ попытокъ сближенія съ нимъ. Особенно пришлось убѣдиться ему въ этомъ во время краткаго своего пребыванія въ Петербургѣ въ 1912 г., куда онъ вызванъ былъ письмомъ извѣстнаго Мусы Бигѣева, приглашавшаго его въ редакторы новой предполагавшейся къ изданію татарской газеты. Принявъ предложеніе М. Бигѣева и явившись въ Петроградъ, Тукай сразу почувствовалъ себя неловко; несомнѣнно онъ понялъ, что не участливое отношеніе къ нему было причиною его приглашенія въ Петроградъ, а расчетливыя соображенія одной изъ петроградскихъ партій мусульманъ, желавшихъ привлечь его на свою сторону и, такимъ образомъ, дать себѣ перевѣсъ надъ противниками. Трехдневное пребываніе въ квартирѣ М. Бигѣева должно было убѣдить Тукая въ томъ, что онъ играетъ роль какого то предмета для выставки, и что хозяинъ, приглашеніемъ котораго онъ воспользовался, тщеславится имъ предъ своими многочисленными посѣтителями, нисколько не думая о томъ, что эти посѣщенія крайне тягостны для Тукая, страдавшаго мучительными приступами кашля и лихорадки, свалившихъ его даже въ постель. Неудивительно, что Тукай предпочелъ комфортному помѣщенію у М. Бигѣева дешевенькую комнату въ одномъ изъ номеровъ Петрограда, куда онъ съѣхалъ отъ своего гостепріимнаго хозяина при содѣйствіи одного изъ своихъ знакомыхъ. Но, живя въ номерѣ, Тукай подпалъ подъ вліяніе партіи враждебно настроенныхъ къ М. Бигѣеву лицъ, и опять начались для него мытарства. Полунасильно таскали его по званымъ вечерамъ и обѣдамъ, устраиваемымъ въ честь его, въ то время какъ у него не было даже приличной одежонки для этого; заставляли выслушивать торжественныя рѣчи и тосты, совершенно забывая о томъ, какъ неловко было Тукаю сидѣть среди всей этой разряженной, парадной публики въ своемъ бумажномъ воротничкѣ съ чужой шеи, наспѣхъ перекроеннымъ ножницами предъ самымъ отправленіемъ его въ гости. Черезъ двѣ недѣли, какъ только представилась

возможность, съ облегченіемъ Тукай вырвался изъ Петрограда и, можно прибавить, отъ своихъ петроградскихъ друзей, видѣвшихъ въ немъ только поэта и забывшихъ, что онъ также и человѣкъ. Между тѣмъ дни Тукая были уже сочтены. Петроградскій докторъ, осматривавшій его, призналъ у него послѣдній періодъ чахотки и прописалъ ему лѣченіе кумысомъ. Но кумысъ не помогъ, и въ 1913 г. 2-го апрѣля Тукая не стало. Казанскіе татары съ помпой похоронили его, наговорили надгробныхъ рѣчей и могилу его причислили къ рязряду своихъ національныхъ фетишей. Чувства состраданія и симпатіи вызываетъ къ себѣ личность Тукая у всякаго, кто знакомится съ его произведеніями и сохранившимися фактами жизни. Несомнѣнно, это была талантливая отъ природы натура, самородокъ. Стихи по большей части проникнуты искреннимъ неподдѣльнымъ лиризмомъ, любовью къ своему народу, стремленіемъ къ свѣту знанія и отвращеніемъ отъ хапжества и лицемѣрія; его юморъ мѣстами очень остроуменъ. Лучшими произведеніями Тукая считаются: «Шӯряле» «Нчяи базары». Первое въ поэтической стихотворной формѣ воспроизводитъ народное вѣрованіе въ лѣшаго; второе въ юмористическомъ свѣтѣ рисуетъ картину изъ жизни казанскихъ татаръ и, въ частности, завсегдатаевъ сѣнного базара съ ихъ простодушными, наивными взглядами, почерпаемыми изъ произведеній старинной традиціонной литературы вродѣ фантастическаго разсказа «Кисек баш» (Отрѣзанная голова) изъ временъ богатыря Алія. Однако при оцѣнкѣ произведеній Тукая рискованно было бы примѣнять къ нему одинъ и тотъ же масштабъ, что къ Пушкину, Лермонтову, Гоголю и другимъ міровымъ поэтамъ. Въ произведеніяхъ Тукая есть крупные недочеты: въ нихъ нѣтъ достаточной широты и глубины мысли; мѣстами замѣтна погоня за фразами; въ стихахъ, представляющихъ передѣлку съ русскаго, можно видѣть иногда недостаточное проникновеніе въ художественный смыслъ подлинника, что особенно нужно сказать о передѣлкѣ басенъ Крылова, гдѣ Тукай старается, повидимому, растолковать своимъ читателямъ смыслъ краткихъ и мѣткихъ выраженій Крылова, вслѣдствіе чего вся соль этихъ выраженій, сильныхъ именно своимъ лаконизмомъ, теряется. Всё это вполнѣ понятно, если принять во вниманіе то убогое образованіе, какое удалось Тукаю получить. Тукай былъ типичнымъ представителемъ шакирдовъ переходнаго періода отъ старометодной мед-

ресы къ новометодной. Познанія его обо всемъ, что не касалось религіи, были крайне ограничены. Онъ ни разу въ своей жизни не бывалъ на операѣ. Едва-ли не одинъ разъ всего былъ на драмѣ во время представленія комедіи «Ревизоръ»; сдѣланное имъ при этомъ замѣчаніе, что Гоголь нарочно искажаетъ личности своихъ героевъ и затѣмъ самъ же смѣется надъ ними,—говоритъ о томъ, что онъ недостаточно понималъ даже смыслъ произведеній Гоголя. Поэтому всѣ широковѣщательныя разглагольствованія татарскихъ критиковъ о какихъ-то необыкновенныхъ поэтическихъ достоинствахъ произведеній Тукая только лишній разъ подчеркиваютъ фальшь и неестественность надутой фанаберіи татарскихъ націоналистовъ, сдѣлавшихъ изъ Тукая какую то рекламу для своей «миллятъ» (націи). Для безпристрастныхъ читателей это самый заурядный татарскій поэтъ народникъ, безвременно погибшій, не встрѣтивъ ниоткуда себѣ поддержки и помощи. Въ заключеніе нельзя не упомянуть объ одной наиболѣе привлекательной чертѣ Тукая, это объ его довольно опредѣленно сказавшихся русскихъ симпатіяхъ. Юнопа—поэтъ былъ искреннимъ поклонникомъ нашихъ русскихъ поэтовъ Пушкина и Лермонтова. Онъ любилъ сравнивать ихъ съ солнцемъ, а себя съ луною, заимствующею отъ нихъ свой свѣтъ. Извѣстенъ рѣзкій споръ его съ однимъ образованнымъ татариномъ туркофиломъ, посѣтившимъ его въ то время, когда онъ находился еще въ квартирѣ М. Бигѣева въ Петроградѣ. Этотъ туркофилъ, какъ разсказывалъ самъ Тукай, едва поздоровавшись съ нимъ, началъ расхваливать турецкую литературу, султановъ, прекрасныхъ обитательницъ ихъ гаремовъ, ихъ жизнь, турецкихъ поэтовъ и т. д. И всё это, говоритъ Тукай, приходилось слышать отъ человѣка, живущаго въ Россіи, имѣющей своего Пушкина, Лермонтова. Раздосадованный Тукай началъ ему возражать и даже прямо грубить. «Вотъ вы, говорилъ онъ, все хвалите да хвалите, а назовите пожалуйста хотя одного турецкаго поэта, котораго бы можно было сравнить съ Пушкинымъ или Лермонтовымъ.—Ахъ, эфенди, эфенди (господинъ)! отвѣтилъ мнѣ на это онъ, и началъ перечислять, да кого? Намыкъ-Кемала, Абдулхакъ—Хамида, Махмудъ-Акряма, Аминбека и, Богъ знаетъ, какихъ еще тамъ бековъ. Тогда я не вытерпѣлъ и, притворившись непонимающимъ, прямо началъ дурачить его, заставляя повторять по нѣскольку разъ одно и то же». Образованый туркофилъ понялъ

тутъ насмѣшку надъ нимъ Тукая и съ обиженнымъ видомъ поспѣшилъ ретироваться. При прощаніи, чтобы смягчить впечатлѣніе обострившагося разговора, онъ въ формѣ шутки замѣтилъ, что вѣроятно при выходѣ изъ дома онъ ступилъ лѣвою ногою. А Тукай, нисколько не сбавляя насмѣшливой рѣзкости тона, отвѣтилъ: «Нѣтъ, вы, вѣроятно, забыли при выходѣ сказать «бисмилля». Это еще болѣе изобидѣло образованнаго туркофила. Кромѣ сочиненій Абдуллы Тукая, изъ другихъ изданій беллетристическаго содержанія заслуживаетъ упоминанія «Альманахъ». безплатное приложеніе къ журналу «Анъ». Въ этомъ альманахѣ обращаетъ на себя вниманіе маленькій разсказъ Галимджана Ибрагимова изъ крестьянскаго татарскаго быта подъ заглавіемъ «Табигат балалары» (Дѣти природы). Это произведеніе съ очень несложнымъ сюжетомъ, но довольно художественной отдѣлкой. Разсказъ ведется отъ лица молодого деревенскаго парня Хафиза, полюбившаго молодую дѣвушку Биби Асму. Отецъ дѣвушки былъ противъ брака, но дѣло случайно разрѣшилось въ благопріятномъ для Хафиза и Биби Асмы смыслѣ во время помочи, которую созвалъ отецъ Биби Асмы во время сѣнокоса. Среди собравшихся косцовъ начались споры и состязанія въ силѣ и умѣніи косить. Кто-то изъ молодыхъ парней въ шутку предложилъ хозяину назначить въ качествѣ приза побѣдителю его дочку красавицу Биби Асму. Хозяинъ въ полушутливомъ, въ полусерьезномъ тонѣ отвѣтилъ, что готовъ принять предложеніе, но что отдастъ Биби Асму только тому, кто одержитъ верхъ надъ дядей Каримомъ, знаменитымъ косаремъ. Этого только и нужно было Хафизу; онъ тотчасъ же выступилъ впередъ и публично попросилъ хозяина подтвердить данное обѣщаніе. Тому ничего не оставалось, какъ только исполнить просьбу, такъ какъ отказаться отъ даннаго слова значило уронить себя предъ всѣми. Началось состязаніе. Хафизъ постарался и получилъ въ качествѣ приза Биби-Асму. Таково содержаніе повѣсти. По простотѣ и безыскуственности фабулы она является прямой противоположностію прошлогоднему произведенію Галимджана Ибрагимова: «Жяшюряляр». Насколько въ этомъ послѣднемъ авторъ мудритъ, стараясь придумать что-либо позамысловатѣе, настолько здѣсь онъ простъ и непосредственъ, почему и результатъ получился удовлетворительнѣе. Тонъ и характеръ рѣчи, которую влагаетъ авторъ въ уста разсказчика, выдержанъ отъ начала до конца съ точнымъ

соблюденіемъ основныхъ требованій художественной правды. Какъ живая рисуется предъ нами личность разсказчика, здороваго физически и нравственно деревенскаго джигита (молодца), любящаго сельскую природу и крестьянскій трудъ. Богатырскою удалью вѣетъ отъ его словъ, когда онъ описываетъ раннее утро въ лугахъ. «Эхъ! и раздолье же на лугахъ, ей Богу, восклицаетъ онъ. Встанешь грудью впередъ, занесешь косу, да какъ махнешь ею разъ, такъ и кажется, что весь міръ побѣдилъ». Рѣчь разсказчика не блещетъ красотою и изяществомъ, что было бы и странно въ устахъ деревенскаго парня, но она изобилуетъ мѣткими и сильными выраженіями народнаго языка, придающими ей живость и выразительность. Интересна въ бытовомъ и этнографическомъ отношеніяхъ картина сѣнокоса. Въ тотъ годъ, о которомъ повѣствуетъ разсказчикъ, сѣнокосъ совпалъ съ уразой (ураза—мухаммеданскій постъ, во время котораго днемъ нельзя вкушать пищи и питья до тѣхъ поръ, пока не стемнѣетъ настолько, что нельзя будетъ отличить черной нитки отъ бѣлой). Погода стояла ясная. Полуденное солнце жгло невыносимо. Тяжело приходилось ретивымъ косарямъ. Они засучили рукава, растегнули вороты у рубашекъ, но ничто не помогало: потъ ручьями лилъ по ихъ лицу, шеѣ и спинѣ рубашки приставали къ тѣлу, а солнце все сильнѣе и сильнѣе палило. Небо, казалось, превратилось въ раскаленное желѣзо и опустилось на головы рабочихъ, точно желая привести въ кипѣніе самые ихъ мозги. Жилы запекло, ротъ и губы пересохли. Хочешь вдохнуть въ себя воздухъ, а вмѣсто него тебѣ въ легкія врывается пламень. Работать прямо становилось невмочь. Невыносимо хотѣлось хотя бы одной каплей воды освѣжить свой ротъ, но это значило нарушить уразу, и вотъ несчастные косари терпѣливо и безропотно переносятъ свои адскія мученія, не взирая на то, что лишаются такимъ образомъ единственнаго вознагражденія, какое возможно на помочи, а именно—удовольствія вдоволь попить и поѣсть, на счетъ тароватаго хозяина. Мало этого, въ своемъ ригоризмѣ при соблюденіи требованій уразы они доходятъ до такихъ крайностей, что готовы рисковать даже своею собственною жизнію. Два молодыхъ косаря въ самую жаркую пору дня, поспоривъ между собою, вздумали устроить состязаніе, кто кого скорѣе выкоситъ извѣстный участокъ луговъ. Состязаніе кончилось тѣмъ, что одинъ изъ спорщиковъ почти замертво упалъ на землю съ почернѣвшимъ

и перекошеннымъ лицемъ; съ трудомъ, едва лепечущимъ языкомъ онъ могъ произнести только слово «воды!»; но, когда ему принесли ее, то онъ, обмакнувъ въ нее тряпку, помочилъ только себѣ лицо и губы, а въ ротъ взять не осмѣлился, не рѣшился даже выкупаться въ рѣкѣ, при всемъ своемъ желаніи, такъ какъ одинъ изъ присутствующихъ стариковъ сказалъ, что купаніе также нарушаетъ уразу.

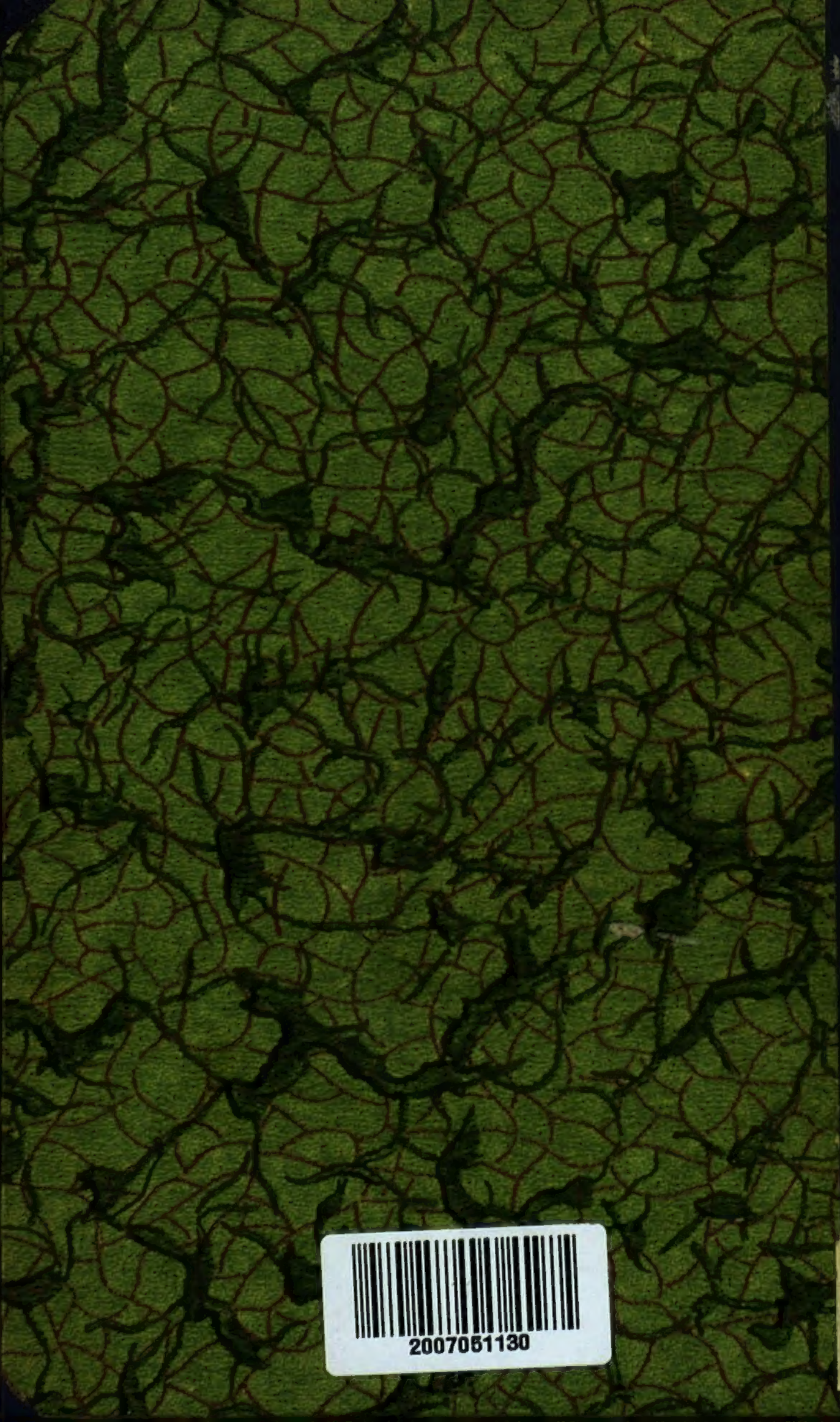
6) Среди учебниковъ и учебныхъ руководствъ слѣдуетъ отмѣтить: «Янга адабіят» (Новая литература) Галимджана Ибрагимова и Баттала, Казань, тип. Харитонова, 1/8 д. л. 240 стр. 21 рис. 5000 экз. 1 р. 18 к. Это произведеніе представляетъ школьную христоматію, роскошно изданную, съ прекрасными рисунками, но съ тенденціями націонализма и безъ достаточной сообразованности съ природой дѣтей и ихъ пониманіемъ.

А. Емельяновъ.

Отдѣльный оттискъ изъ Инородческаго Обозрѣнія кн. 12. за 1915 г.

Печатать разрѣшается. Ректоръ Академіи, Епископъ Анатолій.

Казань. Центральная типографія. 1915 г.


2007051130